

«В царствование Ивана IV было сокрушено мешавшее... ходу дел своими настроениями и выступлениями старое боярство, неспособное изжить свои удельные претензии»¹. Напомним, что Ключевский рассматривал деятельность Ивана IV во многом как случайный исторический эпизод. Яковлев же построил пересказ его взглядов таким образом, что получалось, будто бы в концепции Ключевского все действия Ивана IV были направлены на сокрушение пережитков удельной эпохи и тем самым приобретали важный исторический смысл. Такая трактовка органично вписывалась в сталинскую историческую концепцию, восхвалявшую Ивана IV. В этом, очевидно, проявилось стремление автора «осоветить» Ключевского, подогнать его научное наследие под «современные требования».

Впрочем, даже такой шаг не спас автора статьи от резких критических выпадов как в его адрес, так и в адрес его покойного учителя.

3. «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» С.Б. Веселовского

В стороне от событий, связанных с борьбой историков, оказался Веселовский. В 1930-е — 1940-е гг. он продолжал активно работать над своими трудами по истории феодального землевладения. Работу на некоторое время прервало слабеющее зрение ученого. Несмотря на внешнее затворничество, в 1946 г. его избирают академиком.

В 1940-е гг. он опубликовал несколько знаковых работ. Существенный интерес представляет статья Веселовского об исторической топонимике. В ней автор признавал топонимику важной отраслью исторической науки. Особенное значение топонимика играет в изучении колонизации и истории землевладения². В работе автор подробно остановился на методике топонимического исследования. Он призвал внимательно и осторожно относиться к этому историческому источнику. В основе его метода лежало последовательное следование принципу историзма, комплексного сопоставления топонимического материала с письменными источниками. Ученый призвал организовать систематические экспедиции по сбору местных названий³.

Центральной публикацией послевоенного периода в наследии Веселовского стала фундаментальная монография о феодальном землевладении Северо-Восточной Руси. К этой книге выдающийся историк шел

¹ Там же. С. 125.

² *Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 25.*

³ Там же. С. 29.

очень долго. Основой для работы стали открытые им монастырские архивы, которые он разрабатывал с середины 1920-х гг. Две его монографии, написанные после революции, имеют прямое отношение к книге и являются как бы подготовкой к итоговому труду.

В первый том вошло две части: «Частное землевладение» и «Землевладение митрополичьего дома». Первая часть написана на высочайшем концептуальном уровне, сноски в ней сведены к минимуму. В ней Веселовский концентрированно описывает свою концепцию происхождения феодального землевладения. Вначале он выдвинул утверждение, что частная собственность являлась широко распространенной в Древней Руси¹. Но реальное изучение этого юридического и экономического института ученый считал возможным только с XV в., когда появляется массовый актовый материал. В дальнейшем он допускал углубление хронологических рамок, поскольку могут быть открыты новые источники, но особенные надежды он связывал с совершенствованием методов исторического исследования². При этом историк призывал отказаться от умозрительных выводов и обратиться к конкретно-историческому материалу³.

Обращаясь к предшествующей историографии, автор особенно выделял работы Ф. де Куланжа. Из отечественных исследователей он признавал большие заслуги Н.П. Павлова-Сильванского. Впрочем, последнему, с его точки зрения, не хватало конкретных знаний о природе западноевропейского феодализма, поэтому тот встал на «путь смелых сравнений и поверхностных аналогий»⁴. Тем не менее работы автора «Феодализма в Древней Руси» показали, что только сравнительно-исторический ракурс позволит плодотворно разрешить поставленную проблему.

Анализируя историю русского землевладения, автор в первую очередь сконцентрировался на эволюции наследственного права. Он выявил значительные пережитки родоплеменного строя в нормах права, в частности, возможность выкупа земли со стороны родственников⁵. Рассматривая наследственное право, исследователь пришел к выводу, что норма, по которой вотчина должна была делиться между всеми наследниками по мужской линии, стала главной причиной упадка княжеских и боярских родов и, как следствие, их легкого попадания под власть московских князей⁶, которые с первой трети XV в. взяли курс на перевод

¹ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси: В т. I. М.; Л., 1947. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 17–32.

⁶ Там же. С. 50, 55, 153 и др.

вотчинного землевладения в поместное¹. Вотчинное землевладение, по наблюдениям автора, достигло своего пика при Василии II, а затем начался его неуклонный упадок². Такой вывод в корне противоречил материалистической интерпретации истории. Веселовский вновь повторил свой вывод о катастрофе вотчины в эпоху Ливонской войны и опричнины, вызвавших разорение и невиданное переселение землевладельцев³. Кстати, по наблюдениям Н.А. Горской, работа Веселовского является последней (!), посвященной наследственному праву⁴.

Одной из центральных проблем, проанализированных автором, стал вопрос о происхождении судебного и податного иммунитета. В книге «К вопросу о происхождении вотчинного режима» историк выдвигал концепцию происхождения иммунитета как факта княжеских пожалований. Тогда эта теория подверглась критике А.Е. Преснякова, утверждавшего, что княжеские пожалования лишь фиксировали то, что происходило в результате развития землевладения. Веселовский вновь не согласился с данным утверждением, вернувшись спустя много лет к полемике. Он указывал на тот факт, что иммунитет не касался всех землевладельцев, а только тех, кто служил у князя. В то время как если бы иммунитет фиксировал уже сложившиеся в землевладельческом классе отношения, то он должен был распространяться на всех землевладельцев⁵.

Иммунитет рассматривался Веселовским в том числе и как форма княжеского управления. Причем историк показал, что иммунитетом, вопреки сложившимся стереотипам, пользовались не только крупные землевладельцы, но и тяглое население⁶. Древнейшей формой иммунитета был, по мнению автора, отказ «князя от тех или иных своих прав и запрещение своим приказным людям въезжать во владение жалуемого»⁷. Развитой иммунитет, оформившийся к XV в., в описании историка предполагал не полную несудимость, а возможность вмешательства князя, если дело касалось убийства и грабежа⁸. Анализируя практику выдачи грамот, удостоверяющих податный иммунитет, историк сделал вывод, что к 1506 г. прекращается выдача тарханных грамот. В данном факте исследователь видел то, что податный иммунитет к этому времени стал общим, что привело к отмиранию грамот как в данной ситуации излишних⁹.

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 94.

⁴ Горская Н.А. Русская феодальная деревня... С. 53.

⁵ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... С. 110–112.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ Там же. С. 138.

Веселовский отмечал большую роль феодального иммунитета в закреплении крестьян. В его представлении, введение всеобщего иммунитета для землевладельцев привело к тому, что «правительство возложило на землевладельцев полную податную ответственность за их владения»¹. Исходя из этого, феодалы запрещали крестьянам выход, поскольку переходы мешали исправно платить подати. Таким образом, исследователь повторял свою мысль о значении развития вотчинного государства и крестьянской крепости. Он рассматривал их как взаимообусловленные. В дальнейшем эта мысль активно разрабатывалась Л.В. Черепнинным².

Следующим предметом рассмотрения автора стало крупное боярское землевладение. По мнению Веселовского, в Древней Руси и Московском царстве не было больших феодальных латифундий, поскольку не в пример выгоднее было иметь множество небольших вотчин, но в разных частях страны³. В экономике феодализма не было предпосылок для ведения крупного хозяйства, поскольку его продукцию просто негде было реализовывать⁴.

Изучая хозяйственный строй вотчины XIII–XV вв., Веселовский указывает, что ведущими отраслями экономики были различные промыслы. Земледелие находилось на вторых ролях⁵. Описывая взаимоотношения между вотчинником и его крестьянами, Веселовский придерживался того мнения, что вмешательство феодала в крестьянское хозяйство было минимальным. Владелец предпочитал брать натуральный или денежный оброк, а не натуральные повинности. Личное хозяйство феодала обслуживалось самими домочадцами и рабами. Последние играли значительную роль. Разбросанность земельных владений и угодий автор связывал и с процессами колонизации. Историк, как и все представители младшего поколения Московской школы, отдавал приоритет вольной колонизации. Колонизаторы в ходе захвата земель создавали основу для дробной их эксплуатации, что в дальнейшем отразилось на разбросанности вотчин по русским землям⁶. Колонизация и стала, по мысли историка, основой появления частной собственности, поскольку именно захват свободных земель стал фундаментом этого экономико-правового института. Раздробленная форма владений крупных феодалов, по замечанию ученого, с экономической точки зрения была, конечно же, отсталой, но

¹ Там же. С. 143.

² Горская Н.А. Русская феодальная деревня... С. 208–209.

³ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... С. 146.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 159–164.

в политическом смысле это стало предпосылкой для объединения русских земель, так как вотчинникам спокойнее было в едином государстве¹.

В тесной связи с проблемой вотчинного землевладения стоит вопрос происхождения поместья. Автор категорически не принимал гипотезу С.В. Рождественского, заключающуюся в том, что эволюция поместного землевладения проходила по схеме «вотчина — вотчины, обусловленные службой — поместье». Веселовский отрицал существование промежуточного варианта, утверждая, что вотчин, дарованных за службу, не существовало, поскольку вотчинное право было единым и не предполагало отчуждения земель².

Веселовский считал, что, скорее всего, поместье появилось только с объединением Руси. Сам термин, по его наблюдениям, появляется только в конце XV в.³. Первым массовым случаем раздачи поместий стало распределение новгородских земель при Иване III, на чем автор подробно останавливается. Поместье, так же как и вотчина, первоначально носило натуральный характер. Но к первой половине XVI в., когда, по мнению историка, сформировался общерусский рынок, намечается переход к барщине⁴.

Отдельной темой анализа стало землевладение зависимого населения. Он указал на большое значение эволюции земельных владений своеземцев, рабов и монастырских слуг в общем развитии феодализма.

Таким образом, первая часть была написана в концептуальном ключе. Историк постарался по возможности более сжато изложить все те многочисленные наблюдения и выводы, к которым он пришел за многие годы изучения темы.

Вторая часть касалась митрополичьего землевладения. Автор подробно расписывает все те земельные владения, которые принадлежали митрополичьей кафедре на протяжении нескольких веков. Роспись была дана по уездам. В целом Веселовский подчеркивал невысокий уровень динамики хозяйственного развития⁵.

Даже первый взгляд на исследование Веселовского показывает, что оно было написано на тех теоретических основах (конечно же, глубоко и самостоятельно переосмысленных историком), которые были характерны для дореволюционной историографии. Принцип объективизма и историзма — вот ее фундамент. Концептуально монография являлась естественным развитием русской дореволюционной исторической науки.

¹ Там же. С. 163–164.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 313.

⁵ Там же. С. 455.

Книга, очевидно, не вписывалась в стандарты советской историографии. Ее основой был историко-юридический подход, столь свойственный дореволюционной исторической науке. Более того, автор отталкивался не от классиков марксизма-ленинизма или новейших директив, а от собственной интерпретации конкретных исторических источников. Понятно, что просто так такая книга не могла выйти из печати. Институт истории вынужден был снабдить монографию введением, автором которого стал Л.В. Черепнин. Во введении писалось, что «монография представляет несомненно очень ценный вклад». Подчеркивалось, что автор ввел в научный оборот много свежего материала¹. В то же время признавалось, что работа написана не с марксистских позиций. Выводом стал своеобразный компромисс: в книге много новых и ценных наблюдений, но концепция, на которой базировалось исследование, является в корне неверной².

4. Идеологические кампании послевоенного времени

Изучение прошлого, находящегося на почтительном временном удалении от настоящего, традиционно считается наименее политически ангажированным видом исторических исследований. В то же время в советском государстве, где история оказалась под особенно пристальным вниманием, даже древнейшие эпохи русской истории становились предметом идеологического воздействия. И хотя тотального контроля над исследовательским процессом достичь не удалось, идеология властно вторгалась в академическую науку. Одной из форм такого вторжения были регулярные идеологические кампании. В послевоенное время (1945–1953 гг.) плотность идеологических кампаний была особенно велика. Причину этому исследователи видят в стремлении И. В. Сталина и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, спровоцированного победой в Великой Отечественной войне³. Кроме того, не могло не раздражать действующую власть и стремление науки и высшего образования к известной доле независимости. Поэтому, чтобы пресечь все попытки, удар был нанесен по самым авторитетным ученым и преподавателям.

¹ Там же. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; *Наджафов Д.Г.* Введение // Сталин и космополитизм. (1945–1953): Документы. М., 2005 и др.